

Анна Ахматова. Собрание сочинений в шести томах. Том I. Стихотворения. 1904 — 1941. М., «Эллис Лак», 1998.

Поэтами рождаются, но первая любовь (а иногда и вторая) настигает поэтов раньше, чем приходит совершенство в слове... Свои отношения с художником Амедео Модильяни Анна Ахматова назвала «предысторией нашей жизни», когда «дыхание искусства еще не преобразило эти два существования, это должен был быть светлый легкий предрассветный час». В комментариях Н.В. Королевой к ахматовскому парижскому циклу мая 1911 года сказано: «Ахматовой нравилось определение, которое дал этому романтическому эпизоду в ее жизни в 1960-е годы Иосиф Бродский: «Ромео и Джульетта в исполнении особ царствующего дома». Неточно! Да ведь ирония Бродского относится не к самому «романтическому эпизоду», а только к скрытно-целомудренному изображению событий в воспоминаниях Анны Андреевны о Модильяни... Но, конечно, это была любовь:

*Мне с тобою пьяным весело,
Смысла нет в твоих рассказах.
Осень ранняя развесила
Флаги желтые на вязах...*

Даже не надо здесь даты и надписи «Париж». Уж такое это «парижское» дерево — вязы, когда их много. Все стихотворение

пустоты обреченного города: «У наизусть затверженных прогулок Соленый привкус...» Именно хронология помогает нам понять ход жизни и ход мысли Ахматовой. Сопутствующая статья Королевой

«Анна Ахматова. Жизнь поэта» насыщена, основательна, богата наблюдениями... Иногда с улыбкой соотношу с документированными фактами (результатом долгих трудов многих исследователей) свои робкие самодельные догадки. Интересны

Торжество фабулы

прекрасно и самоценно, но нам, любопытствующим, хотелось бы еще подробностей. К тому же... Спустя столько десятилетий подробности, самые интимные, становятся культурным фактом, они сами по себе — история литературы. И жадное любопытство превращается в благородную любознательность. А любознательность удовлетворяется почерпнутым из соседства нескольких стихотворений. Рядом: «В углу старик, похожий на барана, внимательно читает «Фигаро». Дальше там — про глаза возлюбленного, нечаянно проговорившиеся, про опилки, устилающие пол кафе, про запах вина, свежий и резкий, как юность в Париже... Жизнь, жизнь! Все-таки именно порядок, неожиданное соседство стихотворений, кажется, впервые расставленных согласно хронологии, позволяет нам прочесть жизнь поэта заново, увидеть судьбу иными глазами. Ничего, что стихи эти здесь разного уровня, что среди них много обрывков, пустот, строк, неоднократно перелицованных в течение жизни (но сохранились и варианты). Вся ахматовская лирика фрагментарна, и в том — ее рано обнаружившееся достоинство. Это — как частицы самой жизни, летящие в солнечном луче и невредомо куда. В такой вот именно последовательности текли волны этой жизни, исповедовавшейся по дороге. И это — фабула. Что же касается сюжета, он выстроен позже. Твердой рукой мастера композиции, архитекторники. Выросли живые и неумиряющие организмы, сборники, целиком состоящие из великих стихов. Ахматова пренебрегла хронологией в «Четках» и в «Белой стае», пренебрегала и до конца... Но, между прочим, высказала однажды невероятную мысль о том, что, издавая Анненского, «следует эти трилистники разбить и расположить стихотворения в хронологическом порядке и только из уважения к памяти Анненского в примечаниях указать, что такое-то стихотворение было включено в такой-то трилистник». Мне кажется, здесь попытка и собственного завещания, желание, чтобы кто-то однажды сломал навязанную автором привычную архитектуру...

Первый том нового шеститомного собрания сочинений доведен до преддверия последней войны, до вызывающей слезы

рассуждения комментариев о постоянной переключке стихов Ахматовой и Блока. «От тебя приходила ко мне тревога».

Все-таки никогда (несмотря на все гневные опровержения) не окончатся в общем-то пустые споры... Был ли роман? Пожалуй, неуместно нам сюда втягиваться, не подобает вычислять с хронометром вероятность возможных встреч. Но на всем — веянье «таинственной невстречи». Блок, волнуясь, думает об Ахматовой. Стихи Ахматовой обращены все-таки к Блоку...

Вот поспешно-поверхностное место в комментариях: «Анна Ахматова дорожила своим наблюдением о гордом достоинстве среднерусского крестьянства; она любила эту черту в русском народе и удовлетворенно отыскивала ее в себе — «ведь капелька новгородской крови Во мне, как льдинка в пенном вине». Во-первых, «новгородская кровь» — это не среднерусское крестьянство, да и крестьянство ли? Во-вторых (что значительно важнее), причем здесь, в гениальных стихах про «осуждающие взоры Спокойных загорелых баб», какое-то «гордое достоинство»? Здесь — чисто женское осуждение мятежной жизни, которая в сельских обстоятельствах кажется надуманной и праздною.

В уже появившихся рецензиях на долгожданный первый том прозвучало недоумение именно по поводу организации текстов, принципа размещения их в книге. Как будто бы свершилось какое-то непоправимо злое дело. Но упускается из виду простейшее и главное обстоятельство: Ахматова — столь великая и центральная фигура в русской поэзии столетия, что решительно ничего страшного случиться с ней до конца времен уже не может. Поэзию такой силы не смогут погубить и самые неудачные издания... Горестный вздох другого рецензента относится к качеству самых первых ахматовских стихотворений: «Значит, поэтами не рождаются!» Но не вспомнить ли слабенькие строчки отрока Лермонтова, плоды «небрежной музыки»? Великие стихи рождаются из плохих, но странных. Больше неоткуда им взяться. На утре дней нет еще слов. Но они найдутся.